Митрополит Иларион: созданный в советские годы искусственный разрыв между миром изобразительного искусства и миром Церкви исчез

4 мая 2014 года гостем передачи «Церковь и мир», которую ведет на телеканале «Вести-24» митрополит Волоколамский Иларион, стала художница Ирина Затуловская.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие телезрители! Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня мы поговорим о религиозном измерении в изобразительном искусстве. У меня в гостях – художница, член Союза художников России Ирина Затуловская. Здравствуйте, Ирина Владимировна!

И. Затуловская: Здравствуйте! Мне очень приятно быть Вашим гостем, хотя я и чувствую себя несколько неловко – ведь в основном я сижу в мастерской и работаю. Меня очень волнует такая сложная и глубокая проблема, как изобразительный образ. Зачастую люди воспринимают икону как натуральное изображение, близкое к фотографии. Если показать фотографию, прибавить что-то в виде имени, и сказать, что это икона, то люди вполне с этим согласятся. Хотя икона – это совсем другое. Конечно, мы можем взять великие образцы и просто их сфотографировать… Может, это даже будет правильнее?

Митрополит Иларион: Если говорить о творчестве современных художников, то я, конечно, очень рад, что созданный в советские годы искусственный разрыв между миром изобразительного искусства и миром Церкви сейчас исчез. Сегодня художник может спокойно обращаться к религиозной тематике. Художник может писать образы Христа, Божией Матери, святых, и за это не посадят в тюрьму, не накажут. Другое дело, что очень возрастает ответственность художника, который обращается к таким темам, потому что темы эти имеют определенную традицию раскрытия.

Вы неслучайно сказали об иконе. Для нас, православных верующих, икона – это некий эталон, на который мы равняемся. Если речь идет об изображении священных предметов и, тем более, святых, то именно на икону должны равняться художники. Другое дело, что икона пишется по определенному канону, а художник может работать по канону, который он создает сам. Если его произведение на религиозную тему становится каким-то эпатажем или может оскорбить чувства

верующих, то такое творчество Церковь не может поддержать. Если говорить о репродукциях с икон, которые сейчас тиражируются разными предприятиями, а иногда и церковными приходами, то у меня к этому двоякое отношение. С одной стороны, никакую икону нельзя заметить ее репродукцией. Икона – это священный предмет. Когда мы приходим в храм, мы прикладываемся к иконам, которые написаны в соответствии с каноном и которым воздается соответствующее почитание. С другой стороны, Вы совершенно правы, что репродукция с великой иконы – например, с Владимирского образа Божией Матери или с «Троицы» Рублева – может вдохновлять людей, может становиться, по крайней мере, объектом домашнего почитания. Неслучайно у многих в домах есть не только иконы, но и репродукции с древних, почитаемых икон.

И. Затуловская: Я думаю, что изображение, близкое к натуралистическому, все-таки от иконы далеко – даже если оно называется иконой, если продается как икона. Я видела многих современных иконописцев: они пытаются соблюдать какие-то каноны, но при этом почти никто не использует обратную перспективу, которая необходима даже при написании лика и которую мы всегда видим в древней иконе. На мой взгляд, современная иконопись в чем-то превращается в свою противоположность. Если, например, священник станет вместо проповеди читать книжку Ренана «Жизнь Иисуса Христа», наверное, все очень удивятся. Для меня эти современные изображения, которые называют иконами, – такой же Ренан.

Митрополит Иларион: Об этом можно много говорить. Действительно, для нас эталоном и идеалом является каноническая древняя живопись. Но ведь в истории нашей Церкви был 200-летний Синодальный период, когда во многих храмах иконы и фрески создавались не по каноническим образцам, а скорее, по образцам живописи эпохи Возрождения. Многие петербургские храмы построены и расписаны в таком стиле. И Храм Христа Спасителя был расписан в таком стиле. Здесь мы имеем дело не с иконографией, а с натуралистическими изображениями, написанными в так называемой академической манере. Но мы не можем и не должны вычеркивать этот период из жизни нашей Церкви. И я думаю, нет ничего плохого в том, что сегодня некоторые храмы, фрески и иконы создаются или воссоздаются в такой манере. Просто очень важно, чтобы искусство подлинной иконы, то есть иконы, написанной по канонам, в соответствии с правилами, которые были сформулированы много столетий назад, было преобладающим и воспринималось как эталон.

И. Затуловская: Безусловно. Это для нас недостижимый идеал. Я иногда удивляю зрителей тем, что использую очень странные материалы. Я пишу на кровельном железе, на каких-то выброшенных досках. Мне кажется, что для нашей жизни холст – это слишком прекрасно. Наша жизнь, к сожалению, зачастую не столь прекрасна. И в изображении этой жизни очень важную роль играют материалы. Для меня очень важно время, которое я воспринимаю как своего соавтора. Время уже сделало так много с этим куском железа, что мне остается буквально что-то

чуть-чуть добавить – и уже все готово.

Митрополит Иларион: Думаю, что добавлять приходится не совсем «чуть-чуть», потому что Вы используете эти предметы как материал, но изображение принадлежит Вам. Стремление обратиться к своего рода «детскому» мировосприятию, которое постоянно прослеживается в Вашем творчестве, сегодня тоже очень важно и востребовано – неслучайно ведь Христос говорил, что если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное (см. Мф. 18, 3). Дети воспринимают мир по-своему. Когда дети рисуют, то через восприятие, которое раскрывается в их рисунках, мы можем понять детскую душу. Когда Вы обращаетесь к подобного рода изображениям, это импонирует очень многим людям. Не только детям – взрослые начинают видеть мир по-другому.

И. Затуловская: Да. Бывают такие случаи. Однажды я написала яичницу на железе. И один пожилой доктор был очень тронут. Мне всегда интересна реакция зрителей, и я его спросила: почему это вас так тронуло? А он говорит: я смотрю на эту яичницу и за ней вижу всю свою жизнь. Я не знаю, как все это происходит, но думаю, что тот отклик, который иногда видишь в людях, очень важен.

Митрополит Иларион: Когда мы смотрим на картины великих художников, они становятся для нас окнами – с одной стороны, в тот мир, который видел художник, а, с другой стороны, в его собственный внутренний мир. В одной из передач я уже говорил, что очень люблю Ван Гога и много времени отдал изучению его творчества. Самым поразительным для меня было посещение Овера – городка близ Парижа, где он написал свои последние картины, где закончилась его жизнь. Ты идешь по городу, видишь здание в таком виде, как оно сохранилась сейчас, – примерно таким же оно было и во времена Ван Гога. А перед ним – стенд с репродукцией картины Ван Гога, на которой это здание изображено. Например, знаменитая церковь в Овере… Ты можешь сравнить натуру с тем, как изобразил ее Ван Гог, увидеть, как она преломилась в сознании художника.

И. Затуловская: Этот зазор и есть искусство.

Митрополит Иларион: Этот зазор и есть творчество. Хотя, если говорить об иконе, то через нее мы открываем некую совершенно иную реальность: иконописцы изображали те персонажи, которых никогда в жизни не видели. Они могли их видеть на других иконах. Они следовали некоему иконографическому типу. Но внутренний мир иконописца все равно раскрывался через эти удивительные образы и даже через саму технику иконописания. Поэтому, как говорил священник Павел Флоренский, икона становится окном в иной мир – она раскрывает перед нами иную реальность.

И. Затуловская: Мне посчастливилось побывать в Иерусалиме в праздник Входа Господня в Иерусалим. Я шла внутри этой процессии. Я была потрясена, насколько это шествие было похоже на икону…

Митрополит Иларион: Я бы сказал, что сам храм и люди, которые в него приходят, тоже являются частью некой иконы. Посмотрите, как устроен храм. Если он расписан по каноническим образцам, то мы видим ряды святых в иконостасе и ряды святых на стенах. А нижний ряд остается пустым. Почему? Потому что нижний ряд занят теми людьми, которые пришли в храм, то есть они вписываются в эту композицию, они становятся ее частью. Они видят, что прямо над их головами находятся, допустим, пророки, дальше – апостолы, дальше – преподобные. А я нахожусь вот здесь. И мне дан шанс занять свое место.

И. Затуловская: Это называется «святая – святым». Все равно сердце очень болит за современную икону, которая, к сожалению, так далеко отстоит от первообраза.

Митрополит Иларион: У нас есть выдающиеся иконописцы. Такие, как архимандрит Зинон, который еще в советское время начал возрождать традиционное иконописание. У нас есть крупные иконописные центры при Московской духовной академии, при Свято-Тихоновском университете. За последние два десятилетия искусство иконописи у нас в значительной степени возродилось. Хотя, конечно, существует и так называемый ширпотреб, и некачественные иконы, которые тиражируются, распространяются, продаются. Но ведь и через эти иконы действует благодать Божия. Если посмотреть на общий список всех чудотворных икон Божией Матери, то далеко не все из них написаны по канону, но, тем не менее, через них совершаются чудеса.

И. Затуловская: Безусловно. Я как раз не столь строгий сторонник канона, хотя понимаю, что канон необходим. Но все-таки помимо канона бывают какие-то поразительные вещи, которые удивляют и трогают не меньше, чем канонические. Это тоже очень важно.

Митрополит Иларион: Первый храм, в который я начал ходить, – это церковь Воскресения Словущего на Успенском Вражке, в котором находится чудотворный образ Божией Матери «Взыскание погибших». Этот образ –довольно поздний, и написан он не совсем по канонам: например, Божия Матерь изображена с непокрытой головой. Но эта икона обладает колоссальной притягательной силой. Через нее было совершено множество чудес. Мы видим, как через творчество художников действует благодать Божия, как благодать Божия действует через иконы. И это очень отрадно.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/51522/